

ритетный специалист по истории России XVIII в. А.А. Кизеветтер считал, что главное достоинство работы в том, что автор показал предпосылки губернской реформы Екатерины II 1775 г.¹, тем самым проследив непрерывную цепь событий развития областного управления в XVIII в.

4. Лекционные курсы Ю.В. Готье

Защитив монографию как докторскую диссертацию, Готье 17 августа получил звание профессора Московского университета по кафедре русской истории². Как преподаватель Московского университета Готье читал курсы по историографии, истории России XIX в. и истории южных славян.

Курс лекций по истории XIX в. носил проблемный характер и охватывал вторую половину XIX — начало XX в. До нас дошел курс, читанный в 1915/1916 учебном году. Заметно, что на осмысление многих явлений наложила отпечаток шедшая мировая война. Автор признавал, что «много документов еще остается неизвестными, они могут внести существенные изменения и поправки», но уже достаточно материала для предварительных исследований³. Историк отмечал парадокс, заключающийся в том, что новейшую историю, несмотря на ее близость, знают хуже, нежели более древние периоды. Исходя из этого, Готье предполагал сделать курс, ориентированный на изложение фактической стороны. Он признавал: «Исторические законы трудно вывести из новейших событий; здесь получают значение самые факты, действующие лица — ибо все это люди и явления, непосредственно создавшие наше настоящее»⁴. В этой связи, по мнению Готье, возникает проблема адекватной оценки событий и явлений. Несмотря на то что это практически невыполнимая задача, «объективность — это идеал, к которому всякий историк должен стремиться»⁵.

Историк традиционно делил историю XIX в. на два периода: до реформ Александра II и после. Особое внимание в изложении событий Готье предполагал уделить истории внешней политики, поскольку это позволяло понять истоки текущего мирового конфликта⁶.

Переходя к изложению основных событий русской истории XIX в., историк исходил из тезиса, что к концу правления Николая I Российская

¹ Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России... С. 43.

² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

³ Там же. Ед. хр. 6. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1.

империя оказалась в тупике, «из которого она могла выйти только ценою больших жертв и крупных внутренних перемен»¹. По словам Готье, кризис был вызван сменой ориентации национальной элиты в начале века. Если предыдущие правители (последним из которых автор признал Екатерину II) ориентировались на «старую московскую аристократию», которая могла вести Россию по «пути прогресса», то после смерти Екатерины «русская аристократия... приобретает ясно выраженный немецкий оттенок... Ее консерватизм становится похожим на узкий, грубый консерватизм немецких князьков и государей XVIII в. <...> Во внутренней русской жизни приобретают силу и влияние немцы... Во внешней политике Россия сходит с почвы политики национальной»². В этом пассаже очевидно можно проследить антигерманские взгляды ученого. Отчетливее всего кризис проявился в Крымской войне.

Александрю II предстояло решить проблему вывода страны из кризиса. Но историк отметил слабохарактерность императора, его неспособность к волевым решениям³. «Это не крупный государственный человек, а человек, который мог бы с успехом сохранить хорошее наследство, а вместе с тем наследство он получил тяжелое и трудное»⁴. Готье отмечает его постоянные колебания и зависимость от мнения других. Историк показал борьбу между сторонниками и противниками отмены крепостного права, что вкупе с характером царя предопределило противоречивость преобразований, соединивших в себе как либеральные элементы, так и откровенно реакционные. Особенно отчетливо консерватизм власть имущих начал проявляться после Польского восстания 1863 г.⁵. В то же время лектор подчеркнул расцвет общественного движения, связав его как с внутренними процессами, так и с влиянием западной общественно-политической мысли⁶.

В традиционном ключе был составлен курс по русской историографии⁷. В нем автор в традициях Московской школы рассмотрел развитие исторического знания в контексте эволюции общественно-политической и философской мысли. Вначале историк охарактеризовал наиболее, с его точки зрения, важные пособия по истории исторической мысли. В первую очередь он выделил книгу П.Н. Милюкова, считая, что тот дал «очень хороший разбор историографии XVIII в.». Анализируя развитие

¹ Там же. Л 1 об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л 3 об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 97.

⁶ Там же. Л. 91–96.

⁷ Там же. Ед. хр. 7. См. также: *Галахов В.В. Историографические материалы в фондах академика Ю.В. Готье // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 236–237.*

исторической мысли XVIII в., Готье большое внимание уделял работам В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, считая, что они предприняли первые попытки синтеза исторических фактов¹. Другого историка XVIII в., Н.И. Болтина, ученый рассматривал как исследователя, давшего первую критическую попытку осмысления русской истории. Значительное внимание было уделено деятельности немецких историков Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера, чей вклад в русскую историографию был признан значительным. Работы Карамзина Готье оценивал не очень высоко. По замечанию В.В. Галахова, с точки зрения Готье: «Карамзин более крупная величина в литературе, чем в истории»². Первой школой в русской историографии ученый называл «Скептическую школу». Далее в курсе лекций историка появились пробелы. Интересной мыслью стали рассуждения Готье о марксистском направлении в исторической науке начала XX в. «Ранее других Готье остановился на марксистском направлении в русской историографии. К этому, на его взгляд обособленно стоящему течению, относятся Н.А. Рожков и М.Н. Покровский». Он негативно оценил их деятельность³.

Большой интерес представляет курс лекций по истории южных славян, опубликованный литографическим способом⁴. Для историков Московского университета было характерно внимание к истории славянских народов. Причем курсы лекций читались зачастую историками-русистами, что придавало им актуальную связь с русской историей⁵. Так, лекции по славяноведению читались Н.А. Поповым, М.К. Любавским, большой интерес к славянской истории проявлял П.Н. Милюков. Этот факт можно расценить как еще одну специфическую черту Московской школы, отличающую ее от Петербургской, где историю славян не читали местные специалисты по русской истории. Таким образом, курс Готье вполне органично вписывался в педагогическую традицию Московской школы.

В самом начале автор сразу указал на то, что в его лекциях связь южных славян и Руси — один из лейтмотивов. Именно это и оправдывает, в его понимании, выделение славяноведения как особой дисциплины: «...История некоторых славянских народов... протекала по временам в очень тесной связи и в тесном взаимодействии с русской историей. Вот

¹ Там же. Л. 10.

² Галахов В.В. Указ. соч. С. 237.

³ Там же.

⁴ Готье Ю.В. История южных славян: Литографированный курс лекций. М., 1916.

⁵ Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997. С. 203.

та исходная точка, которая должна, на мой взгляд, определить и оправдать то особое внимание, которое наше университетское преподавание уделяет истории славянства»¹. Более того, из-за той неоднозначной роли, которую сыграли славянские народы в текущей мировой войне, внимание к ним только увеличивалось².

Славянскую историю автор делил на два периода: до турецкого завоевания и эпоху турецкого владычества, включавшую и XIX в., который стал временем возрождения сначала сербов, а потом болгар «к исторической жизни». Готье признавал, что первоначально южные славяне опережали Русь в историческом развитии и значительно влияли на культурную эволюцию русского общества. Но «несколько веков спустя Россия с избытком уплачивает свой исторический долг балканским народам, ее главным образом усилиями и трудами возвращаются они к исторической жизни»³.

На первом этапе российская поддержка носила исключительно религиозный характер, но, начиная с Петра I, целью русского покровительства стало освобождение славян от османского владычества. Как только Россия достигла в своих устремлениях заметных успехов, по мнению историка, ей пришлось столкнуться с новым соперником на Балканах, с германством⁴. Таким образом, Готье в какой-то мере принимал популярный пассаж об историческом соперничестве германских и славянских народов, столь характерный для общественной и исторической мысли конца XIX — начала XX в.

Начиная историю славянства с древнейших периодов, Готье, как хороший знаток археологии, отметил важность археологического материала для изучения ранних этапов истории. В вопросе о первоначальном расселении славян он предпочел рассмотреть наиболее известные точки зрения, но от прямого высказывания своего мнения отказался. Временем появления славян на Балканском полуострове он считал конец VI — начало VII столетия⁵. Указывая общие тенденции славянской колонизации края, ученый проводил аналогии с русской историей: «Славянское население оседало преимущественно по рекам, так же как оно расселялось, колонизируя восточные области Руси: только на Балканском полуострове одну группу насельников от другой разделяли не дремучие леса, а столь же труднопроходимые горные хребты»⁶. Стоит отметить, что здесь исследователь акцентировал внимание на одной из главенствующих тем для

¹ Готье Ю.В. История южных славян... С. 4.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 7–9.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 143.

историков Московского университета, истории колонизации. Более того, Готье признал универсализм этого феномена для славянских народов.

Рассмотрение истории южных славян автор начал с Болгарии. С его точки зрения, развитие болгарского государства долгое время определялось влиянием Византийской империи. Покорение местного славянского населения пришлыми тюрками, в изображении историка, привело к быстрой ассимиляции последних. Более того, историк старался найти не просто аналогии в славянской и российской истории, но и нащупать общие закономерности: «Процесс ассимиляции имеет некоторые черты аналогии с явлениями нашей начальной истории: с ослаблением властвовавших у нас варяжских дружин»¹.

Ключевую роль в историческом развитии балканских славян играло принятие христианства. Исследователь считал, что проблема принятия христианской религии распадалась на несколько отдельных вопросов: «1) крещение славянских племен под влиянием греческих проповедников; 2) обращение адриатических славян пропагандой из Рима; 3) крещение Болгарии; 4) значение деятельности славянских первосвятителей свв. Кирилла и Мефодия»². Христианизация расценивалась Готье как одно из определяющих исторических событий, которое позволило вступить балканским славянам на путь «успешного и энергичного развития»³.

Тем не менее в дальнейшем местные церкви пришли в упадок, и это стало благодатной почвой для развития ересей. В центре внимания автора оказалось богомильское движение, которое, в его понимании, получило популярность как ответ на падение нравов официального духовенства и социальную несправедливость, царившую в обществе. Кроме того, автор подметил и то, что благодатной почвой для дуалистической религии стали традиции двоеверия, продолжавшие существовать в Болгарии⁴. «Дуалистическое учение, ставящее программой борьбу с земным царством, оперлось на слабые стороны болгарского государства и способствовало его политическому падению»⁵.

Отдельной темой стал рассмотрение культурного влияния Болгарии на Древнюю Русь. В центре внимания лектора оказалась новейшая на тот момент теория М.Д. Приселкова о том, что христианство в Древней Руси было принято не из Византии, а из Болгарии⁶. Разбирая точку

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 52–53.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 85–87.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ *Приселков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.

зрения Приселкова, Готье скептически отметил, что эти предположения «очень остроумны, однако, едва ли они могут стать бесспорным достоянием исторической науки»¹. Автор возражал и против общей концепции коллеги, которая заключалась в изображении всей ранней истории русской церкви как борьбы «ее национальных элементов против греческого духовенства»². Тем не менее Готье указал на огромное влияние Сербии и Болгарии на Русь в XIV и XV вв. С его точки зрения, именно из Сербии пришла знаменитая теория «Москва — Третий Рим». «Главнейшие устои политической идеологии Московского царства покоились, таким образом, на перенесенных в Россию политических идеях, господствовавших когда-то в юго-славянских государствах»³.

Значительную часть курса лекций занимало рассмотрение социально-экономического развития южных славян. Автор акцентировал внимание не только на внешнеполитических достижениях славянских государств, но и на увеличивающейся социальной дифференциации. Расслоение общества стало очевидным в эпоху вторых Болгарского и Сербского царств в XIII–XIV вв. Именно социальные проблемы являлись причиной падения указанных государственных образований⁴.

Завоевание турками и дальнейшие века владычества рисовались автором как время угнетения и страданий славянских народов. Ключевую роль в освобождении сыграла Россия. Но Готье старался не приукрашивать историю взаимоотношений России и славян. Он указал на излишнее стремление российских властей искать выгоду и опекал славянское движение, что вызывало ответное раздражение⁵. Тем не менее войну 1877–1878 гг. Готье расценивал как не сопряженную с достижением исключительных выгод для России⁶. И хотя она не достигла всех поставленных целей, тем не менее был дан мощный толчок славянскому освободительному движению.

Последние годы перед мировой войной оценивались автором как время ослабления единства славянства. У образовавшихся славянских государств появились собственные интересы, расколовшие когда-то единый фронт.

Таким образом, курс лекций Готье имел целью общее знакомство со славянской историей. Он отличался упором на фактическую сторону вопроса, но в лекциях наблюдается и стремление к обобщениям. По ав-

¹ Готье Ю.В. История южных славян... С. 107.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 191–192.

⁵ Там же. С. 318.

⁶ Там же. С. 351.

торитетному мнению крупнейшего специалиста в области истории славяноведения, Л.П. Лаптевой: «Готье учитывал все основные достижения науки... Курс отличается несколькими особенностями. Во-первых, Готье постоянно характеризует источниковую базу... обращает внимание на новые теории, концепции, гипотезы. Во-вторых, автор постоянно проявляет интерес к социальной структуре общества и „экономическому быту“ ... Наконец, большое место профессор отводил развитию культуры южных славян». По мнению Л.П. Лаптевой: «Многие выводы Готье приемлемы и ныне»¹. При сравнении курса лекций с лекциями одного из учителей, историка М.К. Любавского², читавшего историю западных славян параллельно с Готье, становится очевидным, что эти черты являются типичными для московских историков. Выводам добавляло обоснованности обращение обоих историков к археологическим источникам.

Параллельно с Московским университетом историк преподавал в Константиновском межевом институте, где читал курс истории русского землевладения. В 1915 г. курс вышел отдельным изданием. Актуальность истории землевладения была очевидна не только из-за прикладной значимости дисциплины для студентов межевого института, но и по причине того интереса, которое общество проявляло к так называемому «аграрному вопросу» в начале XX в. Проблемы землевладения были рассмотрены историком на широком социально-экономическом и политическом историческом фоне.

В начале курса автор обозначил всемирно-исторический ракурс своей работы. Отталкиваясь от наработок социологии, он признал универсальность развития форм землевладения в мире. «Эволюция землевладения в России происходила по такому же пути, конечно, с соблюдением некоторых частных особенностей, свойственных каждому местному историческому процессу»³, — утверждал исследователь. Здесь прослеживается отказ историка от концепции «особого пути истории России» и признание ее частью мирового исторического процесса. При этом Готье принял понимание всемирной истории как истории «мировой» и «местной», свойственное его учителю Ключевскому⁴.

Появление землевладения историк увязывал с переходом к оседлому быту, потребовавшему оформления постоянного владения землей⁵.

¹ Лаптева Л.П. Указ. соч. С. 204.

² Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917.

³ Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 8.

⁴ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 35–36.

⁵ Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России... С. 5.

Происхождение частной собственности на землю лектор связывал с «появлением сильных людей, устанавливающих свою власть над первоначально свободными группами равноправных людей»¹. В этом Готье следовал за популярными в конце XIX — начале XX в. историко-социологическими теориями выдающегося русского мыслителя М.М. Ковалевского, также отдававшего пальму первенства в появлении общественной дифференциации психическому воздействию выдающихся личностей на массы².

В дальнейшем, с развитием государственных отношений, право на земельные раздачи концентрируется в руках государства, которое использует их как награду за службу. Стоит отметить, что нарисованная картина, по сути, является изображением феодального землевладения, хотя сам Готье данный термин не использует. Историк, судя по всему, признавал наличие феодального периода русской истории. По мере развития общества и формирования капиталистической собственности «происходит раскрепощение земли и земледельца из под власти привилегированных групп»³. Право на землю становится достоянием всех.

Обозначив общую схему развития землевладения, Готье перешел к разбору земельного строя Киевской Руси. Нарисованная им картина социально-экономического устройства в целом повторяла торгово-городовую теорию Ключевского. В центре анализа землевладения данного периода историк поставил вервь. В его понимании вервь — это, безусловно, община. Мнение, конечно, не ново, но далее Готье выдвигает интересное предположение, что, возможно, верховным собственником общинной земли была не сама вервь, а князь. Здесь можно увидеть зародыш концепции так называемого «государственного феодализма», нашедшей развитие в трудах Л.В. Черепнина, О.М. Рапова и др. Впрочем, ряд не менее авторитетных исследователей эту теорию отрицают⁴.

Тем не менее Готье не абсолютизировал роли княжеского землевладения. Наравне с княжескими землями он указывал на земли купцов, старцев градских, наконец, бояр, а впоследствии и монастырей. Земельные владения крупных собственников достаточно быстро, по мнению автора, поглотили участки свободных владельцев⁵, которые искали военной и экономической защиты у более сильных.

¹ Там же. С. 6.

² *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005. С. 67–69.

³ *Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России... С. 8.

⁴ См. подробнее дискуссию: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. М., 2001. С. 528–530.

⁵ *Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России... С. 14.

Анализируя строй западной Руси в составе Русско-Литовского государства в XIII–XVI вв., Готье признавал федеративный характер этого образования. В отношениях между князем и крупными землевладельцами исследователь находил много черт, напоминавших феодализм. Но в то же время автор проявил осторожность и нигде не указал прямо на наличие феодальных порядков ни на Руси, ни в Русско-Литовском государстве, хотя он и отметил многие черты, указывающие на феодализм. Видимо, признавая выводы многих сторонников наличия феодализма в русской и литовской истории (в частности, Н.П. Павлова-Сильванского и М.К. Любавского), он не мог порвать с традицией более старших представителей исторического сообщества, например, Ключевского, отрицавшего феодализм в русской истории. Готье осторожничал, несмотря на то что крупнейший специалист в области истории Литвы, М.К. Любавский, прямо признавал феодальную структуру русско-литовского общества¹. В традициях Московской школы большую роль в развитии землевладения в Литве историк отводил колониационным процессам, приведшим к разрыву родовых отношений². Большое влияние на систему землевладения в Литве оказывали Польша и Германия.

В формировании земельного строя Северной и Северо-Восточной Руси большую роль автор отводил колонизации. «Сначала были плотно заняты места, где уже и ранее существовало славянское население: край близь Владимира и Суздаля... вслед за тем стали заселяться лесистые местности нынешней Московской губернии, а с другой стороны, русское население постепенно спускалось по Волге и по нижнему течению Оки... Наконец, русское население подвигалось мало-помалу на северо-восток за Волгу; эта последняя колониационная волна, продолжавшаяся непрерывно в течение XIII, XIV и XV столетий, сливалась в бассейне Ледовитого океана с такой же колониационной волной, шедшей из Новгорода»³, — писал историк.

На новых землях вновь установились порядки, свойственные еще Киевской Руси. Но власть князя стала ощутимее. Одновременно с этим шел процесс развития вотчинного землевладения, пополнение которого проходило за счет пожалований князя⁴. Историк в подробностях описывает социальные отношения внутри вотчины. Он считал, что, жалую вотчину, князь делегировал владельцу не только право собственности

¹ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 156.

² Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России... С. 25.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 64.

на землю, но и часть «своей державной власти»¹. Власть вотчинника сочетала в себе элементы частного и государственного права. К XVI в. историк отметил высокий уровень мобильности вотчинных земель, переходивших из рук в руки и тем самым уходящих от повинностей. Это было весьма опасно для государственной казны, вынудив государство принять чрезвычайные меры. Такими мерами стала опричнина, окончательно сломавшая систему старинного княжеского землевладения². Таким образом, в трактовке опричнины Готье ушел от представлений Ключевского о ее бесцельности³, став ближе к точке зрения С.Ф. Платонова о том, что опричнина была направлена на борьбу с пережитками уездного времени⁴.

Значительное распространение получило и церковное землевладение. Автор выделил три источника ее развития: 1) пожалования князей; 2) частные пожалования и 3) колонизационная деятельность монастырей⁵.

С образованием Московского государства сформировались условия для дальнейшего развития землевладения. Историк, следуя сложившимся представлениям, считал, что существенную роль в эволюции социального строя сыграла необходимость содержать значительную боеспособную армию для обороны границ. Он писал, что после стояния на Угре татарское иго не закончилось, а превратилось в череду постоянных набегов на Русь. Кроме татарской угрозы приходилось воевать с литовцами и поляками⁶. Отсюда и возникла поместная система. Кроме этого, большую роль продолжала играть колонизация, направившаяся теперь на южные земли. Готье подчеркивал приоритет вольной колонизации, и лишь за ней, с его точки зрения, следовала правительственная. Таким образом, историк встал на точку зрения, характерную для младших историков-москвичей, отдававших приоритет вольным колонизационным процессам. В то же время более старшие коллеги (в частности, М.К. Любавский) придерживались точки зрения, что правительство направляло усилия русских колонистов (см. выше). В этой дискуссии можно усмотреть тот историографический факт, что младшие представители Московской школы в большей степени, нежели старшие, отмежевались от концептуальных идей государственной школы. Для них государство часто не играло доминирующей роли в русской истории. Немаловажно

¹ Там же. С. 47.

² Там же. С. 70–71.

³ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории...Т. II. С. 172–174.

⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 429; Брачев В.С. Феномен С.Ф. Платонова и наша историческая наука // Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 11.

⁵ Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России... С. 50–51.

⁶ Там же. С. 53.

указать и на эволюцию взглядов самого Готье, скорректировавшего свою точку зрения относительно приоритета вольной и правительственной колонизации. Если ранее он отдавал предпочтение последней, то теперь присоединился к точке зрения тех историков, которые подчеркивали приоритет вольной колонизации.

Значительные изменения в систему землевладения внесла Смута. Готье указал на «сильную дезорганизацию» служилого землевладения в результате социально-экономического кризиса. В этих условиях вотчины оказались более подготовленными к трудностям, но и им не удалось нивелировать последствия кризисов. Следствием этих явлений стал еще один виток мобилизации землевладений, приведший к радикальной смене служилого дворянства¹.

В дальнейшем, на протяжении всего XVII в., Готье отметил набирающий силу процесс сближения вотчины и поместья. Таким образом, юридическое приравнение поместья к вотчине в начале XVIII в. было подготовлено всем ходом развития землевладения². Вотчинные и поместные владения захватывали черные земли крестьян. Этот процесс, по мнению Готье, был типичной чертой всего столетия.

Одной из центральных тем стало образование крепостного права. Историк признавал теорию Ключевского о растущей задолженности крестьян как причине формирования крепостной зависимости и слиянии крестьянского права с холопьем, ставшим юридическим фундаментом закрепощения. Но популярную в его время концепцию он дополнил не менее популярной идеей о том, что в закрепощении крестьян значительную роль сыграла заинтересованность государства в прикреплении крестьян для обеспечения «большей устойчивости в уплате государственных повинностей тяглецами и в отбывании служб дворянами»³. Историк указывал и на то, что государство отражало интересы дворянства, поскольку видело в нем своего агента, обеспечивающего сбор податей. В понимании ученым генезиса крепостничества отчетливо проявляется синтез концепции Ключевского и историков-государственников. Но на смену трактовки государства как надклассового образования пришло понимание классовой обусловленности власти, хотя Готье это и не абсолютизировал, в отличие от советских историков. Важной особенностью его анализа стал показ борьбы крестьянства с крепостной зависимостью.

В центре внимания историка оказался и вопрос происхождения помещичьей общины с ее специфическими порядками передела земли. Он считал, что формирование этих порядков приходится на вторую

¹ Там же. С. 73–74.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 93.

половину XVII в., когда колонизационные процессы привели к тому, что свободных земель осталось мало, а рост населения ускорился¹. В этом смысле демографическая концепция Готье органично вписывалась в теорию колонизации.

Еще одной отраслью землевладения, оказавшейся под пристальным вниманием историка, стало церковное владение. Он отметил процесс перехода частных владений в церковные, способствовавший, по его мнению, социально-экономическому кризису в XVI в. Особенно эта тенденция усилилась после Смутного времени. Объяснение этому Готье находил в том духовном кризисе, который переживало русское общество, считавшее, что Смута — это наказание за грехи². Таким образом, историк обратил внимание на ментальные, культурные аспекты социально-экономических явлений.

Отдельная глава была посвящена анализу украинской земельной истории. Основным фактором развития местного землевладения стала колонизация края в XV–XVI вв. после его запустения в XII–XIII вв.³. Определяющее значение играла вначале военная колонизация литовского и польского правительств, а затем вольная. Большой стимул для вольной колонизации, проводившейся преимущественно православным населением, по мысли автора, давала религиозная вражда⁴. Типичной формой землевладения на колонизируемых землях было коллективное, общинное владение. Но появившееся позднее крупное землевладение в XVII–XVIII вв. поглотило мелкие владения, закрепостив местное население. «Краткий очерк истории землевладельческих отношений в Малороссии убеждает еще раз в постоянном и определенном отношении, существующем между коллективным землевладением, опирающимся на первоначальную заимку, и появляющимся позднее крупным индивидуальным землевладением: второе развивается за счет первого и поглощает его...»⁵, — утверждал автор. В этом отрывке отчетливо проявляется стремление ученого искать общие закономерности исторического развития. При этом Готье соблюдал присущую ему осторожность выводов.

XVIII в. был выделен историком в отдельный период. Главной чертой социально-политического развития России в эту эпоху было усиление влияния дворянства и потеря церковью своих земельных владений⁶. Еще одним признаком времени стал рост юридической зависимости кре-

¹ Там же. С. 102.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 162.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 133.

стьян от своих владельцев. Большое значение в эволюции землевладения в XVIII в. сыграло Генеральное межевание 1766 г., поскольку «им были признаны и оформлены такие виды землевладения, которые хотя и существовали ранее, но мало или даже вовсе не были предметом законодательной мысли»¹. Определенное влияние на освоение российских земель оказала миграционная политика Екатерины II, старавшейся привлечь на постоянное жительство в Россию иностранных колонистов.

XIX столетие, в понимании ученого, стало поворотным моментом в эволюции земельной политики в России. Рассматривая годы правления Александра I, Готье отводил ключевую роль в его аграрной политике не знаменитому указу о вольных хлебопашцах, который, по справедливому мнению историка, имел незначительные последствия, а указу 12 декабря 1801 г., позволявшему приобретать земли купечеству, мещанству и государственным крестьянам. В интерпретации историка этот указ послужил отправной точкой в «раскрепощении земли», сделав ее доступной другим сословиям². Именно это сыграет одну из ключевых ролей в отмене крепостного права: «...Закон 1801 г. и некоторые дополнительные постановления, его развивавшие, нужно считать поворотным пунктом в истории русского землевладения»³.

В правлении Александра I историк отмечал усиление консервативных тенденций. На этом фоне Готье выделял фигуру М.М. Сперанского, бывшего, в его изображении, последовательным антикрепостником.

Царствование Николая I Готье охарактеризовал как постоянную череду попыток социально-экономических и аграрных реформ, которые так и не были реализованы. Причиной этому послужило стремление императора опереться на бюрократический аппарат, который не был заинтересован в изменении существующего строя⁴. Успеху начинаний препятствовало и постоянное противодействие крепостников. Наиболее последовательным борцом с крепостным правом, по мнению Готье, был П.Д. Киселев, творец реформы государственных крестьян.

В курсе лекций подробнейшим образом была рассмотрена отмена крепостного права. Причиной отмены крепостничества, как подчеркивал историк, было не стремление отдельных людей к справедливому устройству, а социально-экономические факторы. Ученый отметил постепенную убыль в процентном соотношении помещичьей земли⁵, что рассматривалось им как признак ее упадка. Оценивая положение

¹ Там же. С. 144.

² Там же. С. 175.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 184–185.

⁵ Там же. С. 219.

крепостнического хозяйства, историк писал, что общее «состояние крепостного хозяйства в царствование Николая I показывает, что прежние условия крепостного труда становились очень невыгодными»¹. В то же время фабрики и поместья, основанные на вольнонаемном труде, показывали большую доходность. Таким образом, Готье видел причины отмены крепостного права в кризисе крепостного хозяйства, отвергая точку зрения П.Б. Струве об относительной успешности крепостного хозяйства².

Подводя итоги анализа реформ, Готье писал: «Страна находилась на пороге нового периода экономического развития; общее направление всей европейской экономической жизни увлекало Россию по пути к капитализму, при котором старый крепостной строй обращался в нечто ненужное и мешавшее делу»³.

Последующее время внесло коррективы в реформы. Историк показывал усиление консервативных устремлений правительства. Он признавал, что многие проблемы аграрных отношений не были решены. «Обзор крестьянского землевладения и крестьянской поземельной политики правительства после 1861 г. приводит к следующим выводам: 1) реформа 1861 г. не разрешала вполне крестьянского вопроса; 2) последующая политика правительства... была неудачна»⁴.

Завершал свой обзор историк оценкой событий 1905–1907 гг., признавая их новым поворотным моментом истории. По его мнению, в эти годы произошла беспрецедентная мобилизация земель, а закон 9 ноября 1906 г. стал важным шагом к развитию личного земледелия в России⁵.

На книгу вышла рецензия известного историка-народовольца В.И. Семевского. Признавая в целом, что поставленная Готье задача дать сжатый и в то же время достаточно информативный очерк истории землевладения в России удалась, рецензент все же указал на терминологическую неточность в некоторых местах и неполноту необходимых данных⁶. Основное же недовольство Семевский высказал в отношении того, что Готье слишком объективистски, с его точки зрения, подошел к изложению современной ему системы аграрного законодательства. Автор отзыва потребовал, чтобы историк отчетливо высказал свое отношение к закону 1906 г.: «Равнодушное отношение к современному аграрному законодательству особенно вредно в аудитории Межевого института: ведь

¹ Там же. С. 220.

² *Балуев Б.П.* Петр Бергардович Струве // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 495.

³ *Готье Ю.В.* Очерк истории землевладения в России... С. 222.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ *Семевский В.И.* Рец. на: Готье Ю.В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915 // *Голос минувшего.* 1916. № 1. С. 317.

именно слушателям автора сплошь и рядом придется быть орудиями насилия над крестьянской массой во имя интересов более богатого меньшинства¹. Очевидно, что Семевский, следуя своим народническим убеждениям, требовал от Готье отрицательной оценки реформ П.А. Столыпина, что, по большому счету, противоречило убеждениям самого ученого.

Еще одним направлением научного творчества историка стала библиография. В 1916 г. Готье совместно с В.И. Пичетой начал вести библиографический обзор в журнале «Исторические известия». К тому времени у историка уже скопился солидный опыт историографо-библиографических обзоров. Так, с 1910 г. во французском журнале «Историческое обозрение» он вел рубрику, посвященную обзору русской исторической литературы. В 1914 г. в «Научно-историческом журнале» была опубликована статья Готье, освещавшая основные новинки отечественной историографии². Новая рубрика должна была способствовать развитию исторической критики, за что так ратовал в рецензии на монографию Е.В. Сташевского Веселовский. В обзоре литература разбивалась по тематическим разделам, где книгам, статьям и публикациям источников давалась краткая характеристика, проводилась оценка вклада авторов в историографию вопроса³. На библиографический обзор вышла рецензия С.П. Мельгунова, упрекавшего редакторов в том, что они игнорируют литературу, посвященную русскому освободительному движению. В ответ Готье и Пичета направили в редактируемый Мельгуновым журнал «Голос минувшего» открытое письмо, где старались опровергнуть обвинение⁴. Впрочем, в итоге обе стороны остались при своем мнении⁵.

Современные специалисты подчеркивают значение работ Готье в исторической библиографии, отмечая их высокий уровень. По словам Д.Н. Бакуна, они отразили эволюцию библиографий от фундаментальных обзоров к текущим спискам, оставив заметный след в развитии отечественной библиографии⁶.

¹ Там же. С. 322.

² *Обзор русской исторической литературы за 1911 и 1912 годы* // Научно-исторический журнал. 1914. Т. 2. Вып. 2. С. 97–108.

³ *Литература по русской истории: Библиографич. обзор* // Под ред. Ю.В. Готье и В.И. Пичеты // Исторические известия. 1916. № 1. С. 118–140; № 2. С. 131–173; № 3–4. С. 236–276; 1917. № 1. С. 145–191; № 2. С. 146–152.

⁴ *Готье Ю.В., Пичета В.И. Письмо в редакцию* // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 315–318.

⁵ *Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов...* С. 314.

⁶ *Бакун Д.Н. Развитие библиографии исторических источников в России. М., 2006. С. 352–353.*